

УДК 340

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Маслов В. А.

Уральский юридический институт МВД России

Статья посвящена анализу злоупотребления правом как феномена правовой действительности. Последовательно рассматриваются законодательный и доктринальный подходы к данной правовой категории. В заключение делается вывод о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения: данное поведение является противоправным, что обосновывается следующим: данное поведение общественно вредно; субъект лишь формально (внешне) действует в рамках правовых установлений, в действительности же происходит нарушение конституционных и иных законоположений; субъект действует вопреки интересам других лиц; за злоупотребление правом к лицу применяются, пусть и специфические, но все-таки меры юридической ответственности. Формулируется авторская дефиниция, содержащая, с точки зрения автора, наиболее существенные признаки рассматриваемой конструкции. Предлагается собственное видение относительно вопроса уместности, такой формы злоупотребления правом как злоупотребление обязанностью.

Ключевые слова: правовое поведение, противоправное поведение, злоупотребление правом, правонарушение, шикана, принцип добросовестности, злоупотребление обязанностью, последствия злоупотребления правом

Злоупотребление правом – юридическая категория, во все времена приковывающая взгляды теоретиков права и цивилистов ввиду своего особого места в структуре правового поведения.

Со времен появления данного феномена, ученые занимаются его исследованием на основе законодательного установления, правоприменительного опыта и научных представлений о данном правовом явлении. Используя такой метод научного познания как юридическая компаративистика, можно проанализировать данную категорию, исследовав, к примеру, шикану в германском законодательстве; проведя историко-правовой анализ, можно восстановить исторический путь развития положений законодательства, регулирующих вопросы злоупотребления правом. Однако, как показывают исследования, по-прежнему остается немало вопросов, ответить на которые представляется необходимым.

В данной публикации мы попытаемся найти ответы на вопросы о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения, проанализировав законодательный и доктринальный подходы к данной категории, попытаемся сформулировать наиболее корректную дефиницию, включающую все сущностные признаки данного явления (что актуально, поскольку законодатель не счел необходимым ее определение надлежащим образом), а также определимся с формами злоупотребления правом, по вопросу которых в науке также нет единства.

Об актуальности рассматриваемых вопросов свидетельствует и правоприменительная практика, значимо изменившаяся за последнее время, на что справедливо указывает А. Я. Ахмедов, говоря, «...злоупотребление правом, являвшееся исклю-

чительным инструментом, применимым только в тех случаях, когда посредством обращения к другим институтам гражданского права невозможно было добиться принятия справедливого решения по делу, стало достаточно распространенным механизмом защиты участников гражданского оборота» [1].

Итак, начать поиск ответов на поставленные вопросы имеет смысл, обратившись к законодательству. Инструментальный подход к праву позволяет нам привести некоторые нормы отечественного позитивного права, очерчивающие пределы законодательного подхода к злоупотреблению правом. Так, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Данная норма имеет огромное правовое значение и, по сути, отражает нормативное закрепление такой черты (свойства) права как возможность определения *меры* свободы управомоченных лиц. Данное положение высшего правового акта Российской Федерации раскрывает, в частности, ст. 10 Гражданского кодекса РФ, говоря о пределах осуществления гражданских прав, и указывая, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Можно отметить, что данная юридическая конструкция фактически отдана на откуп науки гражданского права. Мы отдаем себе отчет в том, что злоупотребление правом исследуется фактически в равной мере теоретиками права и цивилистами, но мы обязаны указать, что нормативное закрепление данной конструкции нашло именно в гражданском законодательстве. Данное обстоятельство объективно предопределено тем фактом, что именно гражданское законодательство регулирует отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. При этом справедливости ради нужно указать, что существует также точка зрения о возможности злоупотребления правом и в публичных правоотношениях (к примеру, злоупотребление своими правами со стороны должностных лиц).

Отмеченная норма гражданского законодательства не позволяет в полной мере раскрыть характерные признаки данного правового феномена. Данный недостаток, в целях единообразного правоприменения, вынужденно пытается исправить Верховный суд РФ.

Так, высшая судебная инстанция отмечает, что злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность [2]. Далее, в этом же определении, говорится о том, что «злоупотребление субъективным правом имеет место в случае с любыми негативными последствиями, явившимися прямым или косвенным результатом осуществления этого права» [3]. Кроме того, Верховный суд РФ, в свое время указал и то, что «под злоупотреблением правом понимается ситуация, когда лицо реализует принадлежащее ему право недозволенным образом» [3].

Анализируя изложенные в интерпретационном акте формулировки мы, опять же, сталкиваемся с невозможностью уяснения сути исследуемой конструкции, поскольку:

Во-первых, используемый оборот «злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает «вопреки» норме» требует пояснений. Раскрывая значение слова «вопреки» словари (в том числе этимологические) чаще всего проводят параллели с такими выражениями, как «несмотря на что-нибудь», «не считаясь с чем-нибудь», «наперекор». Выбранная формулировка вполне может свидетельствовать о том, что при злоупотреблении правом лицо поступает противоправно, вопреки правовому предписанию.

Во-вторых, высшая инстанция, указала, что признаком злоупотребления правом является то, что субъект не соотносит поведение с интересами общества и государства, а также «не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность». По вопросу уместности того, что злоупотребление правом может быть в форме злоупотребления «обязанностью» единого мнения в науке теории права нет, тогда как, по всей видимости, Верховный суд РФ считает, что такая ситуация возможна. К данному вопросу мы вернемся после определения дефиниции и признаков рассматриваемой категории.

В-третьих, можно сказать о том, что закрепленное указание высшего суда на «имеющие место последствия», также вызывает ряд вопросов. Оборот «имеет место» должен быть понят как то, что, указанные негативные последствия «должны быть» во всех случаях злоупотребления правом? Либо же, как то, что они лишь «возможны (допустимы)»? Кроме того, о каких именно *косвенных* результатах осуществления права идет речь?

Приведем пример из практики Верховного Суда РФ: истец обратился в суд с требованием о вселении в квартиру, в которой имел 1/40 долю права собственности. Данные требования были удовлетворены судами, как первой, так и апелляционной инстанции и лишь высшая судебная инстанция указала, что вселение истца приведет к существенному нарушению прав иных собственников оспариваемого помещения (к примеру, прав собственника, имеющего 1/2 в праве собственности) [4]. При данных обстоятельствах налицо злоупотребление правом со стороны истца, но большой вопрос стоит с оценкой причиненного вреда.

Таким образом, можно заключить, что высшая судебная инстанция несколько расширяет для правоприменителя и конкретизирует положения законодательства по вопросу злоупотребления правом, однако по-прежнему говорить о том, что данная категория однозначно и ясно определена не приходится.

Позволим себе привести точки зрения авторов по вопросу дефиниции «злоупотребление правом».

Так, С. Д. Радченко, указал, что «злоупотребление субъективным гражданским правом – это осуществление принадлежащего управомоченному лицу права в противоречии с имеющимся у данного лица признанным законом интересом в его осуществлении» [5, с. 202].

Стоит отметить терминологическую неопределенность данной дефиниции: поскольку, исходя из буквального толкования, лицо осуществляет свое право в противоречии «с имеющимся у данного лица» интересом (получается, что лицо, по каким-то причинам, действует вопреки собственному интересу). На наш взгляд, дан-

ный речевой оборот («с имеющимися у данного лица») следовало бы исключить из определения. Нам представляется, что, исключив указанный оборот, можно будет проследить специфику злоупотребления правом в том, что лицо при осуществлении предоставленного ему права действует в противоречии с интересом, установленным управомочивающей нормой.

Н. А. Дурново, в свою очередь, говорит о том, что «Правомерное злоупотребление правом – это поведение управомоченного лица в границах субъективных прав, осуществляемое хоть и в пределах их осуществления, но причиняющее вред другим субъектам и неохраняемое государством» [6, с. 7].

Определяя место злоупотребления правом в структуре правового поведения, указанный автор отмечает, что корректно относить рассматриваемый вариант поведения ни к правонарушению, ни к правомерному поведению, поскольку злоупотребление правом представляет собой юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего права в границах принадлежащего ему субъективного права. Данную точку зрения Н. А. Дурново обосновывает тем, что злоупотребление правом нарушает пределы осуществления субъективного права, либо же не нарушает данные пределы, но является социально вредным и общественно порицаемым и причиняющим вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений. При этом указанный автор считает, что исследуемая категория может носить как противоправный, так и правомерный характер» [6, с. 8].

Говоря о вышеуказанной позиции, можно отметить, что мы не считаем оправданным, деление злоупотребления права на правомерное и противоправное (как утверждает автор – в зависимости от характера). При данном подходе мы неизбежно столкнемся с проблемой разграничения противоправного злоупотребления правом и правонарушения как такового.

Кроме того, не совсем понятно, о какой «юридической допустимости» поведения идет речь. Отсутствие нормы-запрета, устанавливающего ответственность за подобное поведение, на наш взгляд, недостаточно для вывода о юридической допустимости поведения. Такой подход сводит на нет как конституционные положения, так и положения гражданского законодательства, в своей совокупности, требующие от лиц действовать добросовестно, не выходя за «рамки» им предоставленных правомочий. Кроме того, о какой юридической допустимости может идти речь, когда законодательство предусматривает конкретные негативные последствия для лиц, злоупотребивших своим субъективным правом. Несомненно, что данные меры существенно отличны от «традиционных» мер воздействия в рамках привлечения к юридической ответственности, но их негативный характер, как нам представляется, неоспорим.

В целом же с предложенной точкой зрения можно согласиться, с той лишь оговоркой, что не представляется возможным говорить о том, что в результате злоупотребления причиняется вред другим субъектам. Наверное, более корректно говорить, что злоупотребляющее правом лицо, как вариант – «действует с намерением причинить вред другим лицам». Данное замечание основано на том, что объективно не всегда в результате злоупотребления правом причиняется вред, чаще подобными действиями создается угроза причинения вреда, но не более того. На данное обстоятельство, к примеру, указывает В. И. Червонюк [7, с. 168].

Раскрывая признаки рассматриваемой категории, А. Е. Наумов отмечает, что таковыми выступают: правомерность поведения; противоречие поведения субъекта назначению норм, в целях удовлетворения личного интереса; последствия в виде причинения вреда другим субъектам; умышленный характер действий злоупотребляющих правом лиц. Данный автор включает в определение, с одной стороны, субъективную направленность лица, злоупотребляющего правом, указывая, что данное лицо действует в целях удовлетворения личных интересов, с другой стороны, отмечает, что данная цель идет вразрез с назначением тех или иных правовых предписаний [8, с. 10].

Данная дефиниция также имеет определенную научную ценность, но назвать ее корректной в полной мере не представляется возможным по следующим причинам: во-первых, равно как и указанный чуть выше автор, в качестве признака злоупотребления правом названо причинение вреда другим лицам, что нам представляется существенным заужением рассматриваемой категории; во-вторых, говорить о том, что злоупотреблением правом причиняется вред лицам, обществу или государству значит, в очередной раз размывать границы между злоупотреблением правом и правонарушением; в-третьих, относительно указанной автором *правомерности*, наша аргументация уже звучала чуть выше, применительно к анализу указанного Н. А. Дурново признака «юридическая допустимость», поскольку мы считаем, что смысл авторы вкладывали один и тот же, повторяться мы не будем.

На наш взгляд злоупотребление правом потому и закреплено нормативно в гражданском законодательстве, поскольку выступает явлением в сфере, *преимущественно*, гражданских правоотношений (права собственности, иных вещных прав, результатов интеллектуальной деятельности, имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников). *Преимущественно* – постольку, поскольку мы допускаем злоупотребление правами в правоотношениях семейных, трудовых и т.п.

Но, в любом случае, говорить о том, что при злоупотреблении правом может быть причинен существенный вред государству – на наш взгляд необоснованно. Данная трактовка лишь затруднит необходимое и желаемое понимание злоупотребления правом как явления отличного от классических правонарушений, требующих мер административной и уголовной репрессии.

Нам представляется, что, в случае, когда лицо злоупотребляет правом таким образом, что причиняется вред государству, в его действиях наверняка содержатся признаки, как минимум, правонарушения, что исключает квалификацию данных действий как злоупотребление правом (правоприменение со ссылкой на гражданское законодательство), а требует оценки действий уже со ссылкой на охранительные нормы законодательства уголовного (реже – административного).

Говоря об обществе, как адресате причиняемого в результате злоупотребления правом вреда, можно отметить дискуссионность данного вопроса. Дело в том, что, теоретически, допустимо считать, что любое без исключения злоупотребление правом, в результате которого лицу был причинен вред будет и вредом обществу (обосновывая данный вывод тем, что любое лицо — это член общества, а поскольку общество состоит из отдельных лиц – вред данным лицам выступает и вредом обществу). Вопрос в данном случае стоит в целесообразности таких умозаключений.

Определяя место исследуемой категории в структуре правового поведения, Е. А. Одегнал говорит, что злоупотребление субъективным правом не является разновидностью правонарушения, поскольку представляет собой самостоятельное явление правовой действительности, имеющее особую правовую природу [9, с. 11].

С. Г. Зайцева, в свою очередь относит злоупотребление правом к противоправным действиям, обосновывая это тем, что происходит нарушение принципа недопустимости злоупотребления правом [10, с. 13].

Стоит отметить точку зрения Н. Н. Вопленко, отмечающего, что злоупотребление правом обладает признаками либо латентного, либо явного правонарушения [11, с. 14].

С данной позицией можно согласиться, поскольку, действительно, злоупотребление правом в том и заключается, что лицо выходит (либо стремится выйти) за рамки тех возможностей, которые предоставлены нормой права, нарушает права и свободы других лиц.

С. Д. Радченко, разграничивая злоупотребление правом от иных действий субъектов правоотношений, отмечает: «... в качестве злоупотребления правом не должны считаться действия, направленные на осуществление права взыскания процентов по договору займа (кредита), вне зависимости от того, насколько высок размер процента ..., а также длительная задержка кредитора с предъявлением иска о взыскании денежного долга, приведшая к увеличению времени начисления процентов» [5, с. 7].

Достаточно интересное умозаключение, требующее пояснений. Согласимся, что в подавляющем большинстве случаев действительно предъявление требований о возврате долга в последние дни срока не будет являться основанием считать данные действия злоупотреблением правом. Данные лица изначально вступили в правоотношения (заключили договор, определили взаимные права и обязанности относительно всех существенных условий), и, в дальнейшем, лицо предъявляющее требование о возврате займа (пусть и в последние дни срока) действует в рамках достигнутой ранее договоренности.

Но, что важно, практика свидетельствует нам о том, что, к примеру, относительно кредитных отношений, ситуация в ряде случаев имеет несколько иной характер. Так, нередки случаи, когда лицо, выплатившее кредит, спустя несколько лет получает информацию о наличии достаточно большой задолженности, и, в последующем, выясняется, что лицо, к примеру, досрочно выплатившее кредит, не выплатило несколько сотен рублей процентов. Что важно, кредитная организация в течение указанного срока ни разу не обращается к лицу с напоминанием о том, что у него остались невыполненные обязательства. На сколько, данные действия можно назвать добросовестными с точки зрения *нормальных* правоотношений?

К примеру, А. В. Волков, не считает необходимым признаком злоупотребления правом наличие материальных последствий [12, с. 423], с чем мы склонны согласиться, поскольку, действительно, при наличии умысла у лица на причинение конкретного имущественного ущерба чаще приходится говорить о наличии оснований для возмещения вреда (гл. 59 ГК РФ) либо же, при наличии общественной вредности в действиях лица еще и о привлечении его к иным видам юридической ответственности. Данные меры значительно отличаются от мер, реализуемых в результате признания деяния злоупотребления правом. Однако же корректно автор указал что

«материальные последствия не являются *необходимым* признаком...», тогда как в ряде случаев данные последствия при злоупотреблении правом могут и отсутствовать.

Сразу ответим на еще один важный вопрос – может ли результатом злоупотребления правом быть признание сделки недействительной? Ряд авторов категорически против данного подхода, утверждая, что «злоупотребление правом не может влечь за собой такое последствие, как признание совершенной сделки недействительной» [13, с. 184]. В то же время Верховный Суд РФ считает, что, если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной [14]. Правовую основу такому выводу дает формулировка, указанная в п. 2 ст. 10 ГК РФ устанавливающая что, по общему правилу, последствием злоупотребления правом выступает полный или частичный отказ в защите права, которым лицо злоупотребило, а также *иные меры*, предусмотренные законом.

Стоит отметить внутреннюю противоречивость указанных законоположений, отметив, что нам импонирует точка зрения В.В. Витрянского. Дело в том, что для иных мер, предусмотренных законом, существуют самостоятельные основания (к примеру, для того же признания сделки недействительной) и смешивать данные основания недопустимо. Правовые последствия должны быть определены исключительно в ст. 10 ГК РФ, и должны состоять в отказе лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично.

Иной подход не позволяет однозначно разграничивать злоупотребление правом и иные действия, направленные на совершение противоправных действий, как и определить корректную меру воздействия на поступающих таким образом лиц.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что, согласно нашей точке зрения, для злоупотребления правом свойственны следующие признаки:

- использование лицом субъективных прав вопреки назначению нормы права;
- намерение злоупотребляющего причинить вред другому лицу (либо же сознательное допущение ущемлений чьих-либо прав и безразличное к данному факту отношение);
- отсутствие признаков уголовно и административно-наказуемого правонарушения.

Единственно допустимым правовым последствием злоупотребления правом является полный или частичный отказ в защите принадлежащего лицу права. Однако же, справедливости ради, добавим, что логичным предположением будет следующее: если адекватной реакцией государства на злоупотребление будет отказ в защите субъективного права, то фактически получается допустимо кому-либо эти права лица нарушать (ведь в любом случае при возникновении спора правоприменитель будет не на стороне злоупотребившего правом лица)? Получается, что государство, хоть и специфическим образом, но «санкционирует» ограничение субъективного права злоупотребляющего им лица.

Считаем необходимым рассмотреть формы злоупотребления правом, поскольку вопрос отнесения к злоупотреблению правом случаи злоупотребления обязанностью в науке остается дискуссионным.

Высшая судебная инстанция, как мы уже отмечали, говорит о том, что злоупотреблением права можно считать случаи, когда лицо «...не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [2].

По всей видимости, речь идет о случаях, когда реализации субъективного права неизбежно сопутствует необходимость выполнения юридической обязанности, когда лицо реализует право, но не считает нужным исполнить связанную с ним (корреспондирующую) обязанность. Допустимо, как нам представляется говорить о том, что лицо злоупотребляет данным правом, поскольку законодательство связывает с ним дополнительные действия, от выполнения которых лицо уклоняется. Либо же возможно предположить, что речь идет об определенной *альтернативности* (наличии выбора) вариантов исполнения обязательства.

По данному вопросу, А. Е. Наумов указывает на то, что ввиду отсутствия императивного установления относительно формы осуществления обязанности потенциально существует возможность ее исполнения вредоносным способом [8, с. 11].

Несколько иная точка зрения у Е. А. Одегнал, утверждающей, что «злоупотребление правом и неисполнение субъективной юридической обязанности представляют собой совершенно разные явления правовой действительности» [9, с. 12]. С данной позицией можно согласиться в той части, в какой «классическое» содержание шиканы связывается действительно исключительно со злоупотреблениями своими субъективными правами во вред иным лицам.

На указанную проблематику указывает и В. В. Витрянский, отмечая то, что в ст. 10 ГК РФ отсутствует указание на недопустимость злоупотребления правом при осуществлении обязанностей и ряд авторов считают допустимым расширительно толковать ст. 10 ГК РФ [13, с. 184]. Сторонником такого (расширительного) толкования можно считать и А. В. Волкова, который утверждает, что «Термин «злоупотребление правом» включает в себя равным образом и осуществление права, и исполнение обязанности, и бездействие» [12, с. 207].

Как нам представляется, верный ответ будет состоять в том, что трудно себе представить правоотношения, состоящие исключительно из прав, либо же исключительно из обязанностей, особенно говоря о праве гражданском. Чаще всего отношения между субъектами как раз и состоят во взаимных (корреспондирующих) правах и обязанностях. Гипотетически можно представить ситуацию, когда лицо злоупотребляет исключительно лежащей на нем юридической обязанностью, однако, это будет скорее исключение из общего правила о том, что злоупотребить можно лишь субъективным правом.

Подтверждает указанную нами точку зрения и то, что следствием злоупотребления правом должно быть ограничение возможности субъекта защищать данное право (сознательно не описываем вариант «иных» мер предусмотренных п. 2 ст. 10 ГК РФ), тогда как не представляется возможным говорить о данном правовом последствии в случае со злоупотреблением обязанностью. По всей видимости, допустимо лишь предположить, что суд должен будет устранить альтернативность выбора варианта исполнения обязанности, по сути – ограничить право выбора в рамках исполнения обязанности.

Итак, подытоживая, отметим следующее:

Злоупотребление правом – не содержащее признаков административно- или уголовно-наказуемых деяний, использование лицом субъективных прав вопреки

назначению нормы права, влекущее полный или частичный отказ в защите принадлежащего лицу права.

Злоупотребление правом не может быть отнесено к поведению правомерному, несмотря на то, что субъект внешне действует, реализуя предоставленные ему правом полномочия. Субъективная сторона действий лица, его направленность на причинение вреда другим участникам правоотношений (а равно пренебрежительное отношение к правам иных лиц) говорят о том, что нарушается принцип добросовестности, закрепленный как в Конституции РФ, так и в Гражданском кодексе РФ, и, как следствие, данные действия не могут быть признаны правомерными.

Необходимо понимать, что смысл дифференциации правового поведения состоит в том, чтобы определиться с поведением, которое для общества *нормально* (как минимум, с точки зрения перспектив существования общества) и поведением, которое сказывается на общественных отношениях негативно. Первое поведение именуется правомерным, в отношении второго используются термины «неправомерное» или «противоправное», но суть остается неизменной – данное поведение пагубно для общества. Злоупотребление правом, на наш взгляд, справедливо причислять ко второму варианту. Более того можно именовать его не просто «неправовым» (противоправным), а правонарушением.

Кратко аргументируем нашу точку зрения:

Во-первых, злоупотребление асоциально (общественно-, или социально-вредно) по своей природе, с неизбежностью негативно сказывается на общественных отношениях (что уже не позволяет причислять данный вид поведения к правомерному);

Во-вторых, данное поведение является соответствующим правовой норме лишь *внешне* (с существенным уточнением указанным абзацем ниже), тогда, как известно, что для правоотношений определяющим является субъективная составляющая, определяющая направленность действий лица. В нашем же случае субъект действует вопреки интересам иных участников общественных отношений;

В-третьих, злоупотребление правом *противоправно* уже постольку, поскольку противоречит, как минимум, нормам Конституции РФ (ст. 17) и Гражданского кодекса РФ (ст. 10);

В-четвертых, закономерной реакцией на злоупотребление является как раз привлечение к юридической ответственности – обязанность лица претерпевать лишение своего субъективного права. Фактически санкционировано, что любое лицо может ограничить злоупотребляющее правом лицо в осуществлении его права, а судебная инстанция удостоверить правовой характер данного ограничения. Дело здесь еще и в том, что гражданское право не содержит как такового исчерпывающего перечня правонарушений (деликтов), как и мер ответственности. В каждом конкретном случае правоприменитель, разрешая спор, определяет характер правонарушения и выбирает необходимую меру ответственности.

Таким образом, нет необходимости использовать формулировки «правомерное злоупотребление правом» и «неправомерное злоупотребление правом», поскольку любое злоупотребление правом является неправомерным. Однако особо подчеркнем, что в случае, когда злоупотребление правом содержит в себе признак «классического» правонарушения (деяния, за которое предусмотрены последствия, отличные от описанных в ст. 10 ГК РФ), то, данное деяние не должно признаваться злоупотреблением права.

Как нам представляется злоупотребление права — это вид правонарушения, существующий не просто наряду с преступлениями и проступками, а существующий в качестве исключительной меры реакции за совершение наименее асоциального, но, тем не менее, достаточно вредоносного (по крайней мере, потенциально) деяния.

Терминологическое сходство конструкций «злоупотребление правом» и различными формами уголовно-наказуемых деяний именуемых, к примеру, «злоупотребление полномочиями», не должно вводить в заблуждение. Признаком, среди прочего, позволяющим градировать злоупотребления выступает сфера и субъектный состав правоотношения. Злоупотребления правом — сфера частных правоотношений, в первую очередь — гражданских, во вторую — семейных, трудовых и т.п. Злоупотребления полномочиями (равно как должностными полномочиями и т.п.) — сфера деятельности организаций, государственных органов и т.д., отличающихся публичным характером и наличием в качестве субъектов лиц, наделенных специальными полномочиями. Злоупотребления указанных лиц, ввиду значимости выполнения возложенных на них функций (в различных организациях, и, особенно, в государственных органах) существенно негативнее сказываются на общественных отношениях, что требует адекватной реакции со стороны государства — привлечение к уголовной ответственности. Считать данные случаи также злоупотреблением правом на наш взгляд — неоправданно.

Правовые последствия признания действий в качестве злоупотребления правом должны заключаться исключительно в ограничении полностью или частично злоупотребившего правом лица в защите данного права. Если в наличии признаки, позволяющие говорить, к примеру, о наличии оснований для признания договора недействительным — должны применяться положения относительно недействительности, но не положения, закрепленные в п. 2 ст. 10 ГК РФ (до слов «а также иные меры, предусмотренные законодательством»).

Данную формулировку законодателя нельзя признать корректной, поскольку она размывает границы злоупотребления правом (и без того достаточно прозрачные), позволяет, в случае со злоупотреблением правом, применять меры, для которых существуют самостоятельные правовые основания.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Я. Влияние практики применения норм Гражданского кодекса РФ о злоупотреблении правом на правовую культуру субъектов гражданского права // Правовая культура. — 2018. — № 1. — С. 77-83.
2. Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 N 52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 N 4-КГ13-32 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России / дисс. канд. юрид. наук. — Москва. — 2007. — 202 с.
6. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ / дисс. канд. юрид. наук. — Нижний Новгород. — 2006. — 170 с.
7. Червонюк В.И. Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. — 2017. — № 3. — С. 166-170.
8. Наумов А.Е. Злоупотребление правом // дисс. канд. юрид. наук. — Москва. — 2010. — 144 с.
9. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности / практики / дисс. канд. юрид. наук. — Ставрополь. — 2009. — 189 с.
10. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория: вопросы теории и практики / дисс. канд. юрид. наук. — Коломна. — 2003. — 198 с.
11. Вопленко Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1. С. 7-15

12. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики / дисс. докт. юрид. наук. – Москва. – 2010. – 423 с.
13. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут. – 2018. – 431 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.

Maslov V. A. To the question of the place of violation in the right to the structure of legal behavior // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 3. – P. 43–53.

The article is devoted to the analysis of abuse of law as a phenomenon of legal reality. The legislative and doctrinal approaches to this legal category are consistently considered. In conclusion, a conclusion is made about the place of abuse of law in the structure of legal behavior: this behavior is unlawful, which is based on the following: this behavior is socially harmful; the subject only formally (externally) acts within the framework of legal regulations, in reality, there is a violation of constitutional and other legal provisions; the subject acts against the interests of others; for the abuse of the right, even specific measures of legal liability are applied to the person. The author's definition is formulated, containing, from the point of view of the author, the most essential features of the construction under consideration. It offers its own vision regarding the issue of relevance, such a form of abuse of the right as an abuse of duty.

Keywords: legal behavior, illegal behavior, abuse of right, offense, shikana, principle of good faith, abuse of duty, consequences of abuse of right

Spisok literatury:

1. Akhmedov A.YA. Vliyaniye praktiki primeneniya norm Grazhdanskogo kodeksa RF o zloupotreblenii pravom na pravovuyu kul'turu sub'yektov grazhdanskogo prava // Pravovaya kul'tura. – 2018. – № 1. – S. 77-83.
2. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 03.02.2015 N 32-KG14-17 // SPS «Konsul'tantPlyus»
3. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 14.06.2016 N 52-KG16-4 // SPS «Konsul'tantPlyus»
4. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 03.12.2013 N 4-KG13-32 // SPS «Konsul'tantPlyus»
5. Radchenko S.D. Zloupotrebleniye pravom v grazhdanskom prave Rossii / diss. kand. jurid. nauk. – Moskva. – 2007. – 202 s.
6. Durnovo N.A. Zloupotrebleniye pravom kak osobyby vid pravovogo povedeniya: teoretiko-pravovoy analiz / diss. kand. jurid. nauk. – Nizhniy Novgorod. – 2006. – 170 s.
7. Chervonyuk V.I. Zloupotrebleniye pravom v sfere deystviya chastnogo i publichnogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii im. V.YA. Kikotya. – 2017. – № 3. – S. 166-170.
8. Naumov A.Ye. Zloupotrebleniye pravom // diss. kand. jurid. nauk. – Moskva. – 2010. – 144 s.
9. Odegnal Ye.A. Zloupotrebleniye pravom kak yavleniye pravovoy deystvitel'nosti / praktiki / diss. kand. jurid. nauk. – Stavropol'. – 2009. – 189 s.
10. Zaytseva S.G. Zloupotrebleniye pravom kak pravovaya kategoriya: voprosy teorii i praktiki / diss. kand. jurid. nauk. – Kolomna. – 2003. – 198 s.
11. Voplenko N.N. Zloupotrebleniye pravom kak rodovoye ponyatiye yuridicheskoy nauki / Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. 2011. № 1. S. 7-15
12. Volkov A.V. Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami: problemy teorii i praktiki / diss. dokt. jurid. nauk. – Moskva. – 2010. – 423 s.
13. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnyye itogi. 2-ye izd., ispr. i dop. – M.: Statut. – 2018. – 431 s.
14. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 «O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // Rossiyskaya gazeta, № 140, 30.06.2015.